

Культура. — 1993. — 23 окт. — С. 3.

ЧЕМ НЕ УГОДИЛ ЖОЛТОВСКИЙ?

Имя выдающегося русского архитектора Ивана Владиславовича Жолтовского хорошо известно в нашей стране. Еще до революции ему было присвоено звание академика архитектуры. В 1918—1923 годах И. В. Жолтовский участвовал в составлении плана реконструкции Москвы, был автором генерального плана и ряда павильонов Всероссийской сельскохозяйственной выставки. Много времени и сил отдавал он научной и педагогической работе, создав целое направление в отечественной архитектуре.

В то же время талантливого мастера очень волновала возникавшая в градостроительной практике тенденция к снижению общего уровня проектных и строительных работ.

В апреле 1946 года Жолтовский обратился в ЦК ВКП(б) с письмом, в котором весьма остро был поставлен вопрос о роли архитекторов в процессе восстановления и реконструкции советских городов.

«В последние годы архитекторы почти перестали бывать на строительстве, — говорилось в письме. — Объяснено это может быть только тем, что... действующими законоположениями архитектору не предусмотрено на строительстве ни авторских

прав, в силу которых он мог бы контролировать качество строительных работ, ни соответствующей оплаты труда. Это обстоятельство, — продолжал Жолтовский, — отрицательно отражается не только на качестве строительства, но и ведет к дисквалификации самих архитекторов...» С горечью говорит он, что даже по стоимости архитектурное проектирование приравнено к стоимости механического перерисовывания.

Однако партию большевиков волновали тогда совсем другие проблемы. К тому же у партийных вождей имелись свои представления о назначении и задачах творческой интеллигенции. По всей стране развернулась очередная идеологическая кампания против формализма.

В марте 1948 года состоялось собрание актива московских архитекторов, оно началось с доклада председателя Комитета по делам архитектуры при Совете Министров СССР Г. Симонова.

Докладчик обрушился с резкой критикой на академика Жолтовского: «Произведения

Жолтовского не могут быть названы произведениями высокого мастерства. Отрыв произведений Жолтовского от социалистической действительности вытекает из его порочной философской концепции, восходящей к идеалистической философии античности. Поэтому мы считаем необходимым уделить внимание не столько рассмотрению творческой практики Жолтовского, сколько его философским воззрениям, тем более что эти воззрения оказывают определенное влияние на его последователей».

Жолтовский очень точно выразил свои эстетические взгляды. «Классическое художественное мышление всегда идет от природы, раскрывая и воплощая в художественном образе те законы красоты и гармонии, которые объективно в ней заложены».

Исходя из этого, он в своем творчестве основывался на вечных законах прекрасного, законах тектоники сооружений и пропорциональности архитектурных форм. Именно эти взгляды выдающегося архитектора

были объявлены идеалистическими, поскольку они исходили из «внеклассового понимания зодчества, а также игнорировали социальную природу архитектуры».

Доклад Г. Симонова определил главное направление в развернувшейся дискуссии.

Стенограммы выступлений участников собрания, состоящего из четырех томов, дают определенное представление о советской архитектуре послевоенных лет и позволяют по достоинству оценить не только взгляды и творческие позиции, но и человеческие качества многих известных архитекторов того времени. Некоторые пытались использовать трибуну в целях саморекламы и утверждения честолюбивых замыслов. Так, архитектор Б. Иофан настолько увлекся восхвалением своего печально известного проекта Дворца Советов, что даже не заметил насмешек и реплик присутствующих в зале.

Большинство участников собрания выступили с осуждением и резкой критикой деятельности и взглядов академика Жол-

товского. В этой травле выдающегося мастера особенно отличился архитектор А. Мордвинов, который, в частности, сказал: «Жолтовский не является художником нашей великой эпохи. Он весь в прошлом, и его брюзжание на советскую действительность, его личные жалобы на то, что у нас строители не умеют строить и даже известку загасить не могут, что все архитекторы ничего не понимают в архитектуре, его охаивание советской архитектуры, его полное игнорирование нашей архитектурной общечеловеческой не случайно. Он не приемлет нашу действительность, а поэтому он и не может быть искренним художником и поэтом нашей эпохи».

Признавая высокий профессионализм выдающегося мастера, многие из выступающих понимали, что им вряд ли удастся подорвать авторитет Ивана Владиславовича. Поэтому главным предметом критики стала деятельность его учеников. К чести учеников и соратников Жолтовского следует сказать, что они проявили

гражданское мужество и, не испугавшись начальственных авторитетов, открыто выступили на защиту своего учителя.

Об авторитете, каким пользовался архитектор, свидетельствуют такие слова одного из выступавших: «Через его рабочий кабинет проходят сотни архитекторов, приезжающих со всех концов Советского Союза. Он их не зовет, они идут к нему сами. Они не едут в Академию архитектуры, зная, что они там не найдут ответа на волнующие их вопросы».

Хорошо известно, что советская архитектура 30-х—40-х годов отличалась претенциозностью, помпезностью и склонностью к гигантомании. Ярким примером подобного рода архитектуры является здание Центрального театра Советской Армии, построенное незадолго перед войной по проекту архитектора К. Алабяна. Это громоздкое сооружение имеет форму пятиконечной звезды, что значительно ухудшает внутреннюю планировку театра. Вот уж поистине апофеоз формализма в архитектуре. Однако

это не помешало Алабяну, как и многим его коллегам, принять активное участие в травле Жолтовского и его сподвижников.

Сам Иван Владиславович не смог присутствовать на собрании зодчих Москвы. Но он написал письмо, текст которого был оглашен 19 марта 1948 года. 80-летний мастер не стал каяться в своих ошибках и отрезаться от своих убеждений, как это было тогда принято. Вместе с тем в своем письме он и не пытается спорить со своими оппонентами. Жолтовский просто высказывает свое мнение о роли и задачах архитектора в обществе.

«Моя вера как художника в том, — писал он, — что искусство создается для человека, для народа и что только этим измеряется степень его совершенства. Это высокое служение человеку требует от архитектора высокой правдивости во всем. Оно требует от него глубокого понимания дум и чаяний своего народа. его материальных и духовных запросов, проникновенного чувства родной природы и научного позна-

ния материала, конструкций и техники. И только из этой правды может родиться правдивый художественный образ, в котором форма, отчеканенная рукой опытного мастера, не что иное, как послушное и точное отражение заложенного в образе содержания». По глубокому убеждению зодчего, архитектор может и должен помочь людям [особенно жителям больших городов] не только понимать, но и чувствовать красоту и гармонию окружающего мира.

Конечно, не стоит представлять Жолтовского борцом с тоталитарной системой. Он был человеком своего времени и оставался в целом лоялен господствовавшему политическому режиму. Вместе с тем, как истинный ученый, он не боялся высказывать свои взгляды и убеждения, стремясь привить своим ученикам гуманистические идеи. В условиях закрытого общества, где царила откровенная враждебность к любым идеям общечеловеческого характера, такая позиция требовала определенной смелости и гражданского мужества.

В. МУХИН,

ведущий научный сотрудник Российского государственного архива экономики.